В ТРЕХ SOSHAX

Далеко мой дом, лес смыкается:
Я одна в пути, девка глупая.
Лишь собачий вой с ветром лается.
Видно, всё опять перепутала.

Косы длинные – ум не очень-то…
Всё плутаю вокруг трех сосенок.
Отогреться бы, не морочиться
У костра твоего по осени.

Я, как горная речка – чистая,
А под кожею сталь клубочками.
Лебедь белая – лебедь чёрная.
С пастью льва и с клыками волчьими.

Дождь опять со мной, верный стражник мой –
Как с лица вода, слёзы горькие.
Три сосны в щепоть – ладно, бог с тобой,
Не печалятся бабы с опытом.

Как собака я в диком племени –
Не поймёшь, что там в сердце мается:
То ли гнать меня чёрным веником,
То ли ждать, как судьбы избранницу.

Для кого-то ведь и Москва – Париж...
Полюби, как есть, необутую!
Что ж, целуя, ты, как всегда, молчишь…
Видно, всё опять перепутала.

В ПОЕЗДЕ

Вокзальный запах – что на тамбур,
И яйца всмятку – что на вкус,
То Шепетовка или Гамбург,
То вскользь помянутый Иисус.
Глаза сквозные незнакомца,
Не помню, как... черны, светлы?
И что кондуктором – оконце
Летит в мелькнувшие кусты,
Торговка, старый полустанок,
Динамик, семечки и кот,
Сосед не вожделенно пьяный
При слове «родина» зевнёт.
Мелькают сосны, как деревья,
Мелькает лес, что на дрова,
Мелькают шпалы, что на север,
На юг, на запад, в никуда...
И то, что я – из лета в осень,
И так обманчив горизонт,
И чай, традиционно сносен,
В стакане времени течёт.
И с облегчением на солнце –
Ступеньки, поручни, вокзал,
И вздох прощальный незнакомца,
Что взглядом плечи целовал.

МОЛЛЮСК

Мой дом... Он упирался в берег
с крутым подъёмом. Ветер, как всегда,
серчал, свежел, но оставался верен
восточным окнам. Талая вода

мой дом не трогала, не отмывала пятен
на мостовой с крутым подъёмом вверх
на скалы, где позабыт и знатен
стоял сосед его, с глазницами прорех
на черепичной крыше. Старый замок
тропинкой, пролегающей к двери,
подманивал туристов и устало
смотрел на домик мой. И яркая коли-
бри-шмель под балками у крыши
свила гнездо за зеленью плюща,
орал скворец, ловила кошка мышь,
бледнел закат в осколках витража.

Мой дом. На берегу ивовый куст
в песчаной отмели в широкой полынье
с ракушками… И маленький моллюск
присматривает дом своей семье.

УТРО В АВГУСТЕ

Я – биограф Москвы,
Я – свидетель московского лета,
Слышу синее утро;
Тихий двор с акварельной листвой
Мне откроет все тайны...
Что соседка моя Виолетта
Из побитого блюдца
Пьёт на кухонке чай с молоком.

Я узнаю от кошки –
Феи крыш и прохладных рассветов,
Как стучат каблуки,
Обгоняя ленивый туман.
И полаяв немножно
На мечту о вчерашней котлете,
Твой щенок, милый бигль,
Принесёт поводок на диван.

Как и я – он покладист,
В старой булочной в том переулке,
Где еще на заре
Замесил Пётр Саныч кулич,
Разлетается август
Ароматом московской буханки,
И соседский терьер
Знает точно – он тоже москвич.

Знает он, что теперь
Тоже летний московский былинник,
Что багрянец листвы
Через месяц захватит, шутя,
Захворавший сентябрь.
Но эпоха варенья с малиной
Нас спасёт от простуды
И проказ проливного дождя.

* * *

Весною, в это время года,
не здесь в Москве, а где-то… где луга,
речная дельта, мостики у брода,
люблю гулять...
На небе облака
бесстыдно следуют за мною. Рядом
плетется пёс – соседский спаниэль…
Рыбак расставил удочки парадом
на берегу. Бесцветная макрель,
уловом лёгким у него в ведёрках
наладом дышит на Великий пост.
А парень счастлив...
Тётка на закорках
В крутую горку волочит навоз
для грядок – пахнет очень скверно...
Хотя... в сравнении с макрелью – ерунда.
И счастлив пёс соседский и, наверно,
в сравнении с макрелью – и я.

И хочется домоооой.
И крепкий кофе,
Чтоб запах – в сердце, а твой взгляд – в глаза,
Чтоб где-то… лаял пёс и пелось что-то…
И – слава Богу – где-то… в небеса.

ПОЛЫНЬ

Не роза, не ромашка я –
Полынная трава.
Земля моя – не пашня, а
Песчаная гора.

И все ж под эту горочку
Идут на водопой,
За солнцем на пригорочке,
За сорною травой.

Садовнику не справиться,
С зелёной и густой,
С песчаною красавицей
Полынью-лебедой.

Он нежные, покорные
Соцветья бережёт,
А на рассвете сорную
Полынь-траву стрижёт.

Дурманом не утешится,
Рвёт с корнем и с бедой,
И дышит – не надышится
Полынью-лебедой.

МОСКВЕ

Это место святое… Избранница –
На года, на столетья, на срок...
Кто купил, кто продал – здесь останется
Вечным ветром, крутящим у ног

Разноцветные листья Борисовских,
Мат людской и холмистый Затон,
Грозья яблок на ближних анисовых,
Звон на Спасской в ночной камертон.
Тень веков не имеет значения
Для твоих золотых куполов –
Жизнь вращается, как наваждение
Вседержателей стен и холмов,
Для кого-то движением поезда,
Для кого-то стоянием стен,
Утром в пять сигаретой вполголоса,
Проблесковым нахальством сирен...
Переулки, «хрущёвки» да рощицы,
На семи на счастливых холмах...
Свет забытой звезды-полуношницы...
В дождь намокший Андреевский флаг...
Ворон сизый с короткими взмахами...
Щётка серая дальних аллей...
Хачапури, таджики с казахами
Да коричневый храм-мавзолей...
Но асфальт, утрамбованный в крошево,
Отражает огни за рекой.
И под музыку промысла божьего
Разливает небесный покой
На вокзал, на сутулого Пушкина,
На дорожную даль без конца,
На мальчишку родного и русского,
И на памятник с взглядом отца...
Твои улицы я не узнала бы
Возвращаясь из дальних краёв,
На чужбине не раз вспоминала я
Пыльный запах московских дворов.
Я просила торговца женевского:
– Дай мне каплю московских дождей,
Мамин профиль за занавескою,
Да скамью у «хрущевки» моей.

Москва – Женева – Москва